This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HL 1Q0D L

RU
496
ZHU

HARVARD
LAW

A3
Zhakov, I.
Dela o Vereshchagine...

Bd. Dec. 1929

HARVARD LAW LIBRARY

Received

Жуковъ, Ив. (см. стр. 18) с
Zhukov, Ivan

ДѢЛО

О

ВЕРЕЩАГИНѢ И МѢШКОВѢ,

СЪ РАЗБОРОМЪ ИЗВѢСТІЙ И ДОПОЛНЕНІЯМИ

О

КАЗНИ ПЕРВАГО ИЗЪ НИХЪ 2-ГО СЕНТЯБРЯ, 1812 ГОДА.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
1867.

Printed in Russia (U.S.S.R.)

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 4-я.

ДѢЛО

О

ВЕРЕЩАГИНѢ И МѢШКОВѢ.

I.

ВЕРЕЩАГИНЪ И МѢШКОВЪ.

УГОЛОВНО-СУДЕБНЫЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКВЫ

ВЪ 1812 ГОДУ.

До половины 1812 года, роковой годины для всей Россіи вообще, а для Москвы въ особенности, какъ искупительной жертвы всесожженія, Главнокомандующимъ въ ней былъ Генералъ-Фельдмаршалъ, Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, по сложеніи которымъ съ себя этого званія, въ Іюнѣ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, извѣстный своими заслугами, какъ мужъ Государственный, и своими достоинствами, какъ доблестный сановникъ, но имѣвшій несчастіе увѣковѣчить память о себѣ въ глазахъ Москвичей кровавою развязкой извѣстной Московской драмы, жертвою которой довелось быть молодому купеческому сыну, злополучному Верещагину.

Хотя въ разное время читающему Русскому люду печатнымъ путемъ не мало было сообщено свѣдѣній объ этой Московской катастрофѣ, но всѣ они, заключая въ себѣ, въ большей или меньшей степени, любопытныя историческія данныя, ограничиваются только описаніемъ, такъ сказать, самаго момента совершившагося трагическаго происшествія, не излагая предшествовавшихъ

ему обстоятельствъ съ необходимою историческою подробностію, на основаніи фактическихъ судебныхъ данныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, любопытство читателей было вполнѣ удовлетворено занимательностію разсказа, но за то они лишились всякой возможности, по прочтеніи, сдѣлать свое заключеніе, постановить свое собственное сужденіе о заслуженности, или незаслуженности страшной народной казни молодаго Верещагина, или произнести таковое по выведеннымъ итогамъ только a priori.

Въ 1862 году совершилось пятидесятилѣтіе отъ освобожденія Москвы и Россіи отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ, и, разумѣется, намъ приличнѣе было бы сообщить предлагаемыя нынѣ свѣдѣнія, и тѣмъ пріобщить ихъ къ публичнымъ таковымъ же, тогда же, comme un fruit de saison; но счастливый случай, доставившій намъ возможность воспользоваться ими, представился не далѣе какъ въ концѣ 1863 года.

Но, прежде изложенія полнаго содержанія Московской драмы нашей, мы должны предварительно познакомить читателей, какъ съ героемъ оной, такъ и съ прочими дѣйствующими въ ней лицами, чтобы избѣжать повторенія свѣдѣній объ ихъ личности въ продолженіе разсказа.

Отецъ героя драмы, довольно богатый купецъ, Николай Гавриловичъ Верещагинъ, какъ изъ отзыва Дома Московскаго Градскаго Общества, на запросъ 1-го Департамента Магистрата, оказывается, состоялъ въ Московскомъ Купечествѣ по 2-й гильдіи, съ дѣтьми Михайломъ и Павломъ, при объявленіи на 1812 годъ 20,000 р. капитала. Кромѣ сыновей, у него была дочь, Наталья, которая, въ описываемое нами время, какъ изъ дѣла видно, была если не совершеннолѣтняя, то, по крайней мѣрѣ, не малолѣтняя. Женатъ онъ былъ вторымъ бракомъ, на Аннѣ Алексѣевнѣ, занимался содержаніемъ на откупу нѣкоторыхъ изъ Московскихъ полпивныхъ лавокъ и тербергомъ, изъ которыхъ одинъ, гдѣ сложена была тема разыгравшейся столь печальной драмы, состоялъ на Покровкѣ. Собственный же Николая Гавриловича, довольно обширный каменный съ колоннами, домъ, находившійся въ Яу-

ской Части, на Никольской улицѣ, противъ церкви Св. Симеона Столпника, существуетъ и нынѣ, состоя во владѣніи Почетнаго Гражданина Тюляева.

Сынъ означеннаго купца, несчастная жертва злополучной ревности восторженнаго патріота къ водворенію спокойствія между жителями ввѣренной главному его начальству столицы, взволнованной разными, болѣе или менѣе основательными, слухами въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ, Михаилъ Николаевичъ Верещагинъ, былъ тогда слишкомъ еще молодъ, имѣя отъ роду только 22 года. Изъ дѣла не видно, въ какомъ изъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ учебныхъ заведеній молодой Верещагинъ получилъ воспитаніе, въ Коммерческомъ ли Училищѣ, или въ Коммерческомъ пансіонѣ, основанномъ Арнольди, обращенномъ въ 1810 году въ Коммерческую Практическую Академію; но что онъ былъ довольно образованъ для тогдашняго купеческаго круга, доказываетъ знаніе имъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, съ которыхъ онъ могъ переводить; онъ даже обучался и по Англійски, но, по неупотребленію въ Москвѣ этого языка, отъ него отсталъ. По склонности же къ наукамъ, занимался чтеніемъ книгъ и Вѣдомостей на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, прочитывая послѣднія въ кофейныхъ домахъ, гдѣ они получаются, и познавая изъ нихъ военныя дѣйствія.

Губернскій Секретарь Петръ Алексѣевичъ Мѣшковъ, давнишній знакомый молодаго Верещагина, 32 лѣтъ, женатый, семейный человѣкъ, состоявшій съ 1793 года на службѣ въ Московскомъ Городовомъ Словесномъ Судѣ, гдѣ, за усмотрѣнное въ производствѣ дѣлъ знаніе и искуство, награжденъ чинами: 1804 г., Декабря 31, Коллежскаго Регистратора, а 31 Декабря, 1807 года, Губернскаго Секретаря, исправлялъ, по временамъ, должности: сперва Повытческую у прихода и расхода денежныхъ суммъ, потомъ и Секретарскую по Генварь 1810 года, въ которомъ, по сходствію прошенія его, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ уволенъ. За неотысканіемъ же, въ описываемое нами время, приличнаго званію своему мѣста, онъ находился не у должности, имѣя жительство съ женою и дѣтьми въ Мясницкой Части, на Кузнецкомъ мосту, близъ бывшаго Пушечнаго Двора (гдѣ нынѣ домъ Почетнаго Гражданина Торлецкаго), въ домѣ Губерн-

скаго Секретаря, Саввы Васильевича Смирнова, и снискивая себѣ пропитаніе отъ прежде нажитаго имъ состоянія и отъ чинимыхъ ему разными людьми повѣренностей. Изъ аттестата же, выданнаго Мѣшкову при увольненіи отъ службы изъ Городоваго Словеснаго Суда, видно, что онъ въ штрафахъ, порокахъ и ни въ малѣйшихъ подозрѣніяхъ не бывалъ. Въ должностяхъ упражнялся съ отличными познаніями и ревностными успѣхами; поведеніе имѣлъ, какъ честному и благородному человѣку всегда долженствовало, а чрезъ сіе самое Судъ и отдавалъ ему, Мѣшкову достодолжную справедливость, рекомендуя его, по выше изложеннымъ причинамъ, къ продолженію статской службы способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ. Въ дополненіе къ такой лестной для Секретаря Мѣшкова рекомендаціи, отличавшагося на письмѣ замѣчательною и для его времени безграмотностью, по произведенному объ немъ повальному обыску, отъ 24 человѣкъ показано, что онъ поведенія и состоянія хорошаго, тогда какъ о несчастномъ Верещагинѣ, изъ осми человѣкъ, четверо показали, что онъ напредъ сего (т. е., до преданія его суду) въ худыхъ поступкахъ не замѣченъ, а остальные отозвались неизвѣстностью.

Изъ внесеннаго на ревизію 1-го Департамента Московской Уголовной Палаты дѣла, рѣшеннаго Магистратомъ, обще съ членами Надворнаго Суда, оказывается, что преданы были сужденію изъ выше означенныхъ лицъ: купеческой сынъ Верещагинъ, какъ признавшійся въ зловредномъ сочиненіи пасквильныхъ: Рѣчи, яко бы отъ имени Французскаго Императора, Наполеона, къ Князьямъ Рейнскаго Союза, и Письма къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ, наполненныхъ на счетъ Русской Имперіи дерзкими словами; а Губернской Секретарь Мѣшковъ въ снятіи съ оной Рѣчи (а Письма?) для себя списка въ его квартирѣ.

А какъ вышеупомянутая Рѣчь (а Письмо?) была замѣчена Полиціею въ спискахъ у нѣкоторыхъ жителей Москвы, то, въ слѣдствіе приказанія Г. Военнаго Губернатора, управляющаго и гражданскою частію въ Москвѣ и ея Губерніи, Генерала отъ Инфантеріи и Оберъ-Камергера, Графа Ѳ. В. Ростопчина, были приняты мѣры къ отысканію: отъ кого они (?) имѣли начало; и какъ найдено, что отъ означеннаго Верещагина, то Графъ и приказалъ обо всемъ изслѣдовать.

По произведеніи же надлежащаго изслѣдованія и отобраніи выше означенныхъ пасквилей, оные оказались слѣдующаго содержанія. Первый, т. е., Рѣчь:

«Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ: повелѣваю, какъ глава Рейнскаго Союза, для пользы общей, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю воэстановленія Полоніи * (Польши), хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго бытія на степень могущественнаго Королевства; хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Вислы и Прегеля покрыты орлами Франціи. Мои народы, мои союзники, мои друзья думаютъ со мною одинаково; я хочу,—и поражу древнихъ тирановъ Европы (?). Вы знаете, я держалъ свое слово, и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы (т. е., Москва и Петербургъ) будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей свѣта.»

Второй, Письмо къ Королю Прусскому: «Ваше Величество! Краткость времени не позволяла мнѣ извѣстить Васъ о послѣдовавшемъ занятіи Вашихъ областей. Я, для соблюденія порядка, опредѣлилъ въ нихъ моего Принца. Будьте увѣрены, Ваше Величество, въ моихъ къ Вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что Вы, какъ Курфирстъ Бранденбургскій, заглаживаете недостойный Вашъ союзъ съ потомками Чингисхана (?) желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской Монархіи. Обо всемъ мой Статсъ-Секретарь пространно объявитъ Вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, Вы съ вящшимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ меня теперь въ мой воинскій станъ.»

Изложивъ здѣсь содержаніе Зловредной Рѣчи Наполеона на столько удобопонятно, на сколько намъ дозволяла то безграмотность переписчиковъ, а можетъ быть, и самыхъ писателей

---

* Франц. названіе Польши (La Pologne), кажется, обнаруживаетъ переводъ, а не сочиненіе.

всѣхъ бумагъ дѣлопроизводства, обратимся теперь къ самому автору этой Рѣчи, т. е., не къ Наполеону, а къ Верещагину, о которой по преимуществу только и упоминается въ продолженіе всего обслѣдованія и сужденія, чтобы ознакомиться со-всѣми обстоятельствами и обстановкою, при которыхъ она была сложена, читаема, списываема и обсуживаема, по показанію самаго подсудимаго.

Молодой Верещагинъ, вѣроятно, уже познавши, изъ чтенія въ кофейняхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостей, весьма многое о военныхъ дѣйствіяхъ, 17 Іюня, 1812 года, бывъ въ своемъ домѣ и въ своей особой комнатѣ одинъ, вскорѣ послѣ обѣда, взявъ четверть листа бумаги, началъ писать выше приведенную Рѣчь Наполеона и Письмо къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ, въ совершенномъ будучи тогда разсудкѣ, съ намѣреніемъ, какъ будто самъ Наполеонъ расположилъ свои мысли противъ тогдашнихъ извѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и чрезъ четверть часа, прочитывать оную, безъ всякаго злаго намѣренія противъ своего отечества, и не полагая изъ того вредныхъ послѣдствій, единственно изъ вѣтренности мыслей, думая тѣмъ похвалиться, что имѣетъ новость, не имѣя, впрочемъ, ни мало приверженности къ Французской націи, не состоя изъ оной ни съ кѣмъ въ дружеской связи и даже въ знакомствѣ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ въ сочиненіи выше означенной Рѣчи, которой онъ, кромѣ черновой, ни какой болѣе не писалъ. Въ тотъ же день Верещагинъ прочелъ ее своей мачихѣ (въ «Дѣлѣ» матери), сказавъ ей при томъ: «Вотъ что пишетъ злодѣй Французъ!» Она изъявила на то свое негодованіе. На другой же день, по утру, отецъ его прислалъ къ нему въ комнату дѣвочку Дарью съ требованіемъ означенной Рѣчи, которую сынъ къ нему и послалъ. За обѣдомъ же, на спросъ отца, гдѣ сынъ взялъ эту Рѣчь, тотъ отвѣчалъ, что получилъ ее отъ сына Г-на Почтъ-Директора Ключарева, съ которымъ впрочемъ, молодой Верещагинъ не былъ тогда знакомъ и даже имени его не зналъ, а сказалъ такъ единственно по тому, чтобъ Рѣчи той сдѣлать увѣреніе справедливости (т. е., придать ей достовѣрность), опасаясь, что ежели скажетъ о сочиненіи оной имъ, то не только что не примутъ ее за справедливость, но получитъ еще наказаніе отъ отца, который, по прочтеніи, оставал-

ся на счетъ оной при одномъ съ женою своею мнѣніи, бросивъ бумагу на свой комодъ. Когда же вечеромъ отецъ, по своимъ надобностямъ, уѣхалъ со двора, то молодой Верещагинъ, взявъ брошенную отцомъ Рѣчь и положивъ ее въ боковой карманъ бывшаго на немъ фрака, отправился въ городъ (кварталъ, ближайшій къ Гостинному Двору), въ кофейную, состоявшую въ домѣ Плотникова и содержимую Туркомъ Ѳедоромъ Андреевымъ.

Желая тамъ прочесть иностранныя газеты, такъ какъ таковыхъ новыхъ не было, а старыя, вѣроятно, уже были имъ всѣ прочтены, онъ велѣлъ себѣ подать трубку табаку. Въ это время встрѣтился съ Верещагинымъ бывшій въ той же кофейной отставной Губернскій Секретарь Мѣшковъ, котораго онъ, отозвавъ въ другую комнату, прочелъ ему выше означенную Рѣчь, выдавая ее за новость перевода своего изъ Гамбургскихъ газетъ, которыя будто онъ читалъ въ Почтамтѣ, получа отъ сына Г-на Ключарева, для единственнаго увѣренія, какъ и отца своего, о ея справедливости. На просьбу же Мѣшкова списать эту Рѣчь, Верещагинъ отказалъ ему, отзываясь, что въ кофейномъ домѣ вовсе не мѣсто для списыванія. Пріятель мнимаго переводчика, заинтересованный животрепещущею новостью съ театра войны и увлеченный содержаніемъ слишкомъ оригинальной Рѣчи, вѣроятно возъимѣлъ непреодолимое желаніе, во что бы ни стало, списать ее, а по тому, не выпуская изъ виду Верещагина, полюбопытствовалъ освѣдомиться, куда онъ пойдетъ изъ кофейной. Получивъ въ отвѣтъ, что знакомецъ его отправляется на Кузнецкой Мостъ, для осмотра полпивныхъ лавочекъ, содержимыхъ отцомъ его, вызвался пойти вмѣстѣ съ нимъ туда же, тѣмъ болѣе, что тамъ была и квартира его, Мѣшкова. И такъ они оба отправились вмѣстѣ въ путь, что было въ осьмомъ часу по полудни. На дорогѣ застала ихъ большая туча, и Верещагинъ, опасаясь дождя, по приглашенію Мѣшкова, зашелъ, по близости, къ нему на квартиру, въ которой онъ съ годъ тому былъ, пригласивъ съ собою и общаго ихъ знакомаго, бывшаго съ ними въ кофейной, Можайскаго мѣщанина, Андрея Власова. Увлеченный непреодолимымъ любопытствомъ, радушный хозяинъ не скупился подчивать дорогихъ гостей, сперва пивомъ а потомъ чаемъ и цуцикомъ. Наконецъ, разлобрившись, Верещагинъ отдалъ Рѣчь Мѣшкову, который

тотчасъ и началъ списывать ее своею рукою, а гдѣ не могъ разобрать, по связности почерка, руководствовался диктантомъ гостя. Власовъ же, хотя и въ одной съ ними находился комнатѣ, но, стоя поодаль, у окна, едва ль могъ что слышать. По списаніи Рѣчи. Верещагинъ взялъ ее обратно, наказывая Мѣшкову, чтобъ онъ никому объ этомъ не говорилъ, на что тотъ отозвался: «Развѣ ему Управа Благочинія еще не надоѣла?» Впрочемъ, при этомъ случаѣ гость съ хозяиномъ другихъ разговоровъ не имѣли, кромѣ того, что ту Рѣчь относили къ дурному поступку Французскаго Императора. Когда же пересталъ дождь и начало уже смеркаться. а Верещагинъ былъ уже, отъ употребленія напитковъ, нетрезвъ, то, простившись съ Мѣшковымъ, отправился онъ отъ него прямо въ свой домъ, не заходя рѣшительно никуда, не давая ни прочитывать, ни списывать, той Рѣчи ни кому болѣе.

Здѣсь должно замѣтить, что приведенное нами показаніе Верещагина, вопреки хронологической послѣдовательности, мы помѣстили прежде намѣренно, какъ болѣе достовѣрное, отобранное отъ него уже 18 Іюля, при сильнѣйшемъ увѣщаніи отъ Священника и Присутствія, по долгу присяги и чистой совѣсти, къ которому онъ присовокупилъ окончательно, что о сочиненіи имъ выше упомянутой Рѣчи онъ не говорилъ Мѣшкову, увѣривъ его, что она переведена изъ иностранныхъ (Гамбургскихъ) газетъ, что подтвердилъ тогда же и Мѣшковъ, присовокупивъ, что онъ, по прочтеніи Рѣчи, полагая, что она дѣйствительно справедлива, сказалъ: «Это вранье и сбыться не можетъ», полагая, что оною только пугаютъ.

На предложенные же, 26 Іюня, Оберъ-Полиціймейстеромъ Верещагину запросы, онъ письменно показывалъ, что онъ, шедши съ Лубянки на Кузнецкой Мостъ, противъ Французскихъ лавокъ поднялъ печатный листъ, или газету, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго и перевелъ будто на Русскій означенную Рѣчь, что несправедливо, и онъ не только что не находилъ газетнаго листа, но даже нигдѣ и ни отъ кого не получалъ таковаго, не видалъ и не переводилъ, а чувствуя поступокъ свой противнымъ закону, думалъ, не оправдаетъ ли его такое несправедливое показаніе о найденіи будто имъ газетнаго листа и о переводѣ съ него. Въ послѣдне отобранномъ отъ Верещагина показаніи,

онъ, по сущей справедливости, присовокупилъ, что напредъ выше писанной Рѣчи онъ подобныхъ не сочинялъ и не переводилъ, и ни съ кѣмъ о таковыхъ предметахъ ни письменныхъ, ниже словесныхъ, сношеній не имѣлъ, и прежде въ приводахъ ни по какимъдѣламъ и подъ судомъ нигдѣ не былъ.

Изъ показанія Мѣшкова мы приведемъ здѣсь только то, что именно относится къ описываемому нами происшествію, избѣгая, по возможности, высказаннаго уже Верещагинымъ по этому предмету. Когда встрѣтившись, какъ мы уже видѣли, въ кофейной съ Верещагинымъ на спросъ его: не слыхалъ ли онъ о какихъ либо новостяхъ, Мѣшковъ отозвался незнаніемъ, то Верещагинъ, вынувъ изъ боковаго кармана кафтана (фрака) своего какую-то бумагу, ему, Мѣшкову, не извѣстно кѣмъ писанную, на полулистѣ синей бумаги, не сложенномъ, а вдоль онаго, показывалъ ее ему. Мѣшковъ хотѣлъ было прочесть ту бумагу, но Верещагинъ, сказавъ, что она писана связно, самъ прочелъ ее. Бумага эта заключала въ себѣ извѣстную уже намъ Рѣчь Императора Наполеона къ Князьямъ Рейнскаго Союза и къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ (письмо?). По прочтеніи Рѣчи Мѣшковъ сказалъ выше приведенное нами объ ней замѣчаніе, чѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Далѣе читается тожественное съ Верищагинскимъ показаніе о совмѣстномъ ихъ путешествіи на Кузнецкій Мостъ, пребываніи въ гостяхъ у Мѣшкова и списываніи имъ Рѣчи подъ диктантъ Верещагина, отвѣчавшаго на спросъ Мѣшкова: откуда онъ ту Рѣчь получилъ, что перевелъ ее изъ Гамбургскихъ газетъ въ Почтамтѣ, у сына Г-на Ключарева. Мѣшковъ, видавъ прежде, что Верещагинъ Нѣмецкія газеты читывалъ въ кофейной, все оное почелъ справедливымъ. По вечеру того же дня, въ который у Мѣшкова пировали знакомыеуже намъ гости, пришелъ къ нему домовый его хозяинъ, Губернскій Секретарь, Савва Васильевичъ Смирновъ, который, выпросивъ у квартиранта своего показанную ему Рѣчь, списанную Мѣшковымъ у Верещагина, списать, и, взявъ ее къ себѣ въ покой, возвратилъ ему ее на другой день по утру.

Точно также поступимъ мы и съ показаніями другихъ прикосновенныхъ по чему либо къ предлагаемому нами Дѣлу лицъ, извлекая изъ нихъ только то, что не было досказано Верещагинымъ,

а изъ сообщеннаго уже имъ только обособляющее, или уясняющее, отобранныя отъ него свѣдѣнія.

Отецъ сочинителя, какъ именно сказано въ «Дѣлѣ», купецъ Николай Верещагинъ, показывалъ, что когда онъ, въ описываемое нами время, возвратясь къ себѣ домой, вошелъ, по обыкновенію въ свой покой (кабинетъ), то жена его, Анна Алексѣевна, сказала ему, что передъ пріѣздомъ его сынъ ихъ (онъ ей пасынокъ?) Михайло, читалъ ей, при дочери, дѣвицѣ Натальѣ, записку, по сказыванію его, Михайлы, выписанную изъ Нѣмецкихъ газетъ, относящуюся до недоброжелательства къ Россіи Французскаго Императора Наполеона, будто бы онъ скоро придетъ въ Москву. Но въ какомъ точно смыслѣ та записка дѣйствительно была, того жена Верещагина (отца), по недоумѣнію своему, пересказать не могла, а по тому онъ, мужъ ея, для совершеннаго объ ономъ понятія и любопытства таковую прочесть, спросилъ о сынѣ Михайлѣ, дома ли онъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что уѣхалъ со двора, оставилъ это дѣло до утра. По утру же, по вытребованіи отъ сына записки, читанной имъ съ вечера матери, отецъ усмотрѣлъ, что она заключала въ себѣ извѣстную уже Рѣчь Наполеона, въ которой первоначально написано было рукою сына его, какъ могъ онъ припомнить: «Вѣнценосные друзья Франціи», а далѣе не припомнитъ. Только все написано до недоброжелательства къ Россіи; каковую записку прочтя, положилъ на комодъ. Во время же пріѣзда Оберъ-Полиціймейстера въ домъ его, Верещагина, на спросъ объ той запискѣ, сынъ его отвѣчалъ, что она изодрана и брошена. Когда же отецъ, памятуя, что самъ положилъ записку ту на комодъ, сталъ было искать ее, а жена его сказала, что сынъ приходилъ спрашивать ее, то старикъ и положилъ, что записка взята сыномъ, присовокупивъ, что она была на простой сѣрой бумагѣ въ четвертку листа, исписанную на обѣихъ страницахъ, съ небольшими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черченьемъ и поправкою словъ.

Показаніе жены Верещагина совершенно тождественно съ мужниным, за исключеніемъ дополненія съ ея стороны, что прочитанная ей Рѣчь, сколько возможно могла она, по безграмотству своему, понять, относилась къ недоброжелательству Россіи; въ какихъ же именно словахъ или рѣчахъ, пересказать не могла, а при-

совокупила только, что по прочтеніи пасынкомъ ея Рѣчи, отъ нея сказано, по женской простотѣ, на счетъ Француза нѣкоторыми бранными словами, и что намѣревается дѣлать (?), а болѣе сего отъ нея ничего пасынку своему не сказано.

Показаніе мѣщанина Власова мы пропускаемъ всецѣло, какъ ни чѣмъ особенно не дополняющее выше приведенныхъ нами свѣдѣній.

На очной же ставкѣ въ Управѣ Благочинія Мѣшковъ уличалъ Верещагина, что читанная симъ послѣднимъ ему въ кофейной бумага, съ которой онъ списывалъ подъ диктантъ копію, не на четверткѣ, пріобщенной къ дѣлу и показанной ему, Мѣшкову, на очной ставкѣ, а на полулистѣ синей бумаги, въ коей черченья ни какого не было, а Власовъ утверждалъ, что та бумага дѣйствительно, какъ онъ совершенно помнитъ, писана была не въ доль листа, а на четверткѣ.

Сверхъ того, Мѣшковъ показанія свои дополнилъ свѣдѣніями, что списанную имъ Рѣчь онъ никому, кромѣ своего хозяина, Смирнова, не давалъ, да и ему отдалъ безъ всякаго какого либо злаго намѣренія, а по одной только дружбѣ. Самъ же онъ, подобныхъ выше означенному сочиненію (Рѣчи) бумагъ не сочинялъ (думаемъ, что и не могъ), и на счетъ таковыхъ сочиненій ни съ Россійскими, ни съ иностранными сношенія и разговоровъ не имѣлъ. Въ дополненіе же, при рукоприкладствѣ допроса, по припамятованію, показалъ, что онъ упомянутому хозяину своему, Смирнову, отдавая списанную Рѣчь для прочтенія, говорилъ, что написанному въ ней содержанію сбыться не можно, разсуждая, что отечество наше богато, людей много, хлѣба довольно и денегъ много, и что Господь Богъ насъ развѣ не помилуетъ; а ежели необходимость потребуетъ, то и мы отдадимъ все, что имѣемъ, и сами пойдемъ на защищеніе своего отечества; каковые разговоры повторяли и въ послѣдующіе дни. Когда же Мѣшковъ услыхалъ, что выше упомянутую Рѣчь отыскиваютъ, то отъ робости оную изорвалъ и бросилъ, не имѣя, однако же, намѣренія скрывать, отъ кого имъ была она списана, о чемъ имъ, Мѣшковымъ, при допросѣ не было объявлено по запамятованію.

Изложивъ съ достаточною подробностію и точностію все содержаніе произведеннаго о подсудимыхъ слѣдствія, на сколько представлялась намъ возможность извлеченія о томъ изъ довольно обширнаго дѣлопроизводства, писаннаго съ замѣчательною безграмотностію и почти безъ всякихъ знаковъ препинанія, что чрезвычайно затрудняло насъ въ своевременномъ отысканіи настоящаго смысла бумагъ, особенно находящихся при Дѣлѣ въ спискахъ, не смотря на обычно гарантирующую ихъ достовѣрность формулу Секретарскихъ скрѣпъ: «Съ подлиннымъ вѣрно,» съ бойкими расчерками крючковатыхъ параграфовъ ихъ всевозможныхъ формъ, мы перейдемъ къ приговору объ этихъ подсудимыхъ по всѣмъ инстанціямъ судопроизводства.

Магистратъ, обще съ членами Надворнаго Суда, положилъ: «Купеческаго сына Верещагина, употребившаго пріобрѣтенное науками знаніе къ зловредному противъ отечества своего разсѣянію отъ Державы, непріязствующей Россійской Имперіи, лжесоставнаго имъ сочиненія, за таковое злостное содѣйствіе, какъ Государственнаго измѣнника, слѣдовало бы казнить смертію; за отмѣненіемъ оной, заклепавъ въ кандалы, сослать вѣчно въ каторжную работу въ Нерчинскъ, а сочиненіе истребить. Секретаря же Мѣшкова, признавшаго первоначально выше упомянутые Рѣчь и Письмо за пасквильныя, каковыми оныя есть и въ самомъ дѣлѣ, но оныя, вмѣсто должнаго представленія Правительству, и пресѣченія тѣмъ въ разсѣяніи зловреднаго противъ Россійской Имперіи сочиненія, давъ списать Секретарю Смирнову, за оное, не соотвѣтственное его званію, дѣяніе, какъ сдѣлавшагося, нѣкоторымъ образомъ, орудіемъ къ разглашенію о томъ законопреступномъ сочиненіи, лиша чиновъ и личнаго Дворянскаго достоинства, написать въ военную службу.» Каковое мнѣніе представлено на ревизію въ Уголовную Палату 17 Іюля, 1812 года.

Палата рѣшительнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 20, а подписаннымъ 25 того Іюля (въ скрѣпленномъ спискѣ 35-го), заключила: «Верещагина, какъ сына купца 2-й гильдіи, свободнаго отъ тѣлеснаго наказанія, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ, согласно выше изложенному заключенію Магистрата, обще съ членами Надворнаго Суда. Что жъ принадлежитъ до Губернскаго Секретаря Мѣшкова, который, хотя въ своей

квартирѣ у Верещагина и выпросилъ его сочиненіе и списалъ копію, съ коей, для таковаго же списанія, далъ и другому, но что она была фальшиво Верещагинымъ сочинена, не признался, и самъ Верещагинъ въ томъ на него не показываетъ, а еще, въ присутствіи Палаты, удостовѣрилъ, что онъ о томъ сочиненіи ему, Мѣшкову, не говорилъ, а увѣрилъ его, что дѣйствительно перевелъ ее изъ иностранныхъ газетъ, слѣдовательно, его, Мѣшкова, къ предположенному лишенію чиновъ и личнаго Дворянства, присудить опасно. А за неосторожное его любопытство списаніемъ съ того сочиненія копіи и выпускъ въ другія руки, къ удержанію впредь отъ онаго, вмѣня ему въ наказаніе содержаніе подъ карауломъ, усугубить содержаніемъ же въ Смирительномъ Домѣ, съ тѣмъ, чтобы, по срокѣ (а срока въ опредѣленіи не означено) доставленъ онъ былъ обратно въ Палату, для строжайшаго ему подтвержденія, чтобы онъ впредь таковыя вредныя разсѣянія старался удерживать, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неизбѣжнаго, по законамъ, наказанія, а Рѣчь и Письмо истребить.»

Рѣшеніе это Палатою представлено въ благоразсмотрѣніе Правительствующаго Сената, по внесеніи на соглашеніе Графу Ростопчину, который, при рапортѣ своемъ, 1 Августа, Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ, представивъ въ Сенатъ, прописывалъ, что «онъ находитъ преступленіе Верещагина самоважное и въ томъ случаѣ, если бы онъ единственно перевелъ Прокламацію (Письмо?) и Рѣчь Наполеона; но какъ онъ есть сочинитель сей дерзкой бумаги, и писалъ ее именемъ врага Россіи, то его мнѣніе, Графа Ростопчина, было: Верещагина наказать кнутомъ и сослать вѣчно въ Нерчинскъ въ работу (согласно, стало быть, съ рѣшеніемъ Магистрата съ Надворнымъ Судомъ»). Въ дополненіе же къ этому Главнокомандующій Москвы представилъ Сенату объ одномъ обстоятельствѣ, котораго при слѣдствіи въ виду не было, а именно: Верещагинъ, при допросѣ, упорно стоялъ въ томъ, что Рѣчь и Письмо Наполеона онъ перевелъ съ Нѣмецкой газеты, сказывая сперва, что ее поднялъ близъ Кузнецкаго Моста, потомъ, что получилъ отъ сына Г. Ключарева, а наконецъ отъ одного Почтамтскаго Чиновника въ Газетной, гдѣ будто ее и переводилъ.

Но объ всемъ этомъ, какъ мы выше изложили, говорится въ изслѣдованіи: развѣ Графъ, за многодѣліемъ и второпяхъ, не потрудился прочесть все Дѣло, или даже докладную записку, съ тою внимательностію, которой оно требовало; только не было въ виду при слѣдствіи того, что далѣе Графъ прописываетъ въ своемъ донесеніи Сенату, а именно:

Графъ, принимая въ соображеніе выше приведенное послѣднее указаніе Верещагина, посылалъ его изъ своего дома съ Полицеймейстеромъ, Полковникомъ Дурасовымъ, въ Почтамтъ, для отысканія тамъ того, кто Верещагину, по словамъ его, далъ газету. По пріѣздѣ же Полковника Дурасова въ Почтамтъ, онъ не былъ допущенъ въ газетную комнату, куда всѣ входятъ, какимъ то (?) Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Дружининымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Почтамтѣ ни что безъ особливаго повелѣнія Господина Почтъ-Директора не исполняется. Потомъ онъ былъ допущенъ съ Верещагинымъ и предъ лицо самаго Почтъ Директора, который объявилъ и тутъ Полицеймейстеру, что безъ его, Директора, приказанія, ни что въ Почтамтѣ не дѣлается; а узнавъ о причинѣ его пріѣзда и о важности дѣла, взялъ Верещагина въ другую комнату, былъ съ нимъ довольно долго на единѣ и, вышедъ, говорилъ Полицеймейстеру, что Верещагинъ достоинъ сожалѣнія, и что его дарованія съ пользою употреблены быть могутъ. Потомъ, когда Оберъ-Полицеймейстеръ Ивашкинъ ѣздилъ съ Верещагинымъ въ домъ его отца, для обысканія бумагъ, то Верещагинъ, проходя мимо своей мачихи, сказалъ ей на ухо: «Не бойтесь: за меня Ѳедоръ Петровичъ (Ключаревъ) вступится.» Что подтвердилъ Графъ Ростопчинъ, не присовокупляя къ сему показанію своего мнѣнія, а доводя поступки Почтъ-Директора Ключарева до свѣдѣнія Гг. Сенаторовъ, и что Государь Императоръ соизволилъ указать Дѣло сіе рѣшить немедленно и безъ очереди. Сенатъ, выслушавъ записку изъ дѣла, того жъ Августа 19 числа опредѣлилъ: «Верещагина, оказавшагося измѣнникомъ отечеству своему, по силѣ узаконеній, за оказанною смертной казни, каковой бы онъ подлежалъ, и по тому уваженію, что отъ выше означеннаго пасквиля ни малѣйшаго вреда не послѣдовало, и поелику онъ, Верещагинъ, по дѣлу, не изобличается въ томъ, что намѣренъ былъ причинить тѣмъ пасквилемъ какой либо

вредъ, а написалъ оный, какъ самъ показываетъ, единственно изъ вѣтренности мыслей, желая похвастаться новостію, каковое показаніе его обстоятельствами дѣла не опровергается, то, согласно мнѣнію Г. Главнокомандующаго въ Москвѣ, Графа Ростопчина, наказавъ Верещагина кнутомъ 25-ю ударами и заклеймивъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Сочиненный же имъ и писанный его рукою пасквиль публично сжечь чрезъ палача подъ висѣлицею. А Губернскаго Секретаря Мѣшкова, списавшаго дерзкое сочиненіе и сдѣлавшагося орудіемъ къ разсѣянію онаго по разнымъ рукамъ, лишя чиновъ и соединеннаго съ оными Дворянскаго достоинства, написать въ солдаты, а буде окажется неспособнымъ къ воинской службѣ, то сослать въ Сибирь на поселеніе. А какъ 1-й Департаментъ Московской Уголовной Палаты не присудилъ преступника Верещагина къ тѣлесному наказанію, заключая неосновательно, будто дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи избавлены отъ такого наказанія, о чемъ нѣтъ въ законахъ постановленія, то за сіе сдѣлать оному Департаменту строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобъ онъ впредь рѣшенія свои основывалъ на словахъ закона. Поелику же въ рапортѣ Графа Ростопчина описаны неблаговидные поступки Московскаго Почтъ-Директора Ключарева, оказанные имъ при изслѣдованіи объ означенномъ преступникѣ Верещагинѣ Полиціею, каковые его поступки, подозрительные при тогдашнихъ обстоятельствахъ, обратили на себя вниманіе а по тому Сенатъ и полагалъ: объ оныхъ строжайше изслѣдовавъ, учинить сужденіе на основаніи законовъ, о чемъ поднесенный отъ Сената Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ возвращенъ съ Высочайше конфирмованнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта для исполненія, которымъ утверждены заключенія Сената: 1) Объ отдачѣ Мѣшкова въ военную службу, буде окажется годнымъ. 2) Объ изслѣдованіи обстоятельствъ, до Почтъ-Директора Ключарева относившихся. 3) Хотя же Сенатъ полагалъ: Рѣчь и Письмо Верещагинымъ писанныя, истребить, но, поелику обстоятельства перемѣнились (Мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 21 Августа, 1814 г.), и смыслъ тѣхъ бумагъ уже совершенно относился къ посмѣянію Французскаго Правительства, а не къ уничиженію Россіи; при томъ же во всемъ подобныя сему Рѣчь и Письмо извѣстны уже

стали въ публикѣ посредствомъ напечатанія оныхъ въ исторической книгѣ о происшествіяхъ 1812 года, то, дабы обрядомъ (т. е., сожженіемъ подъ висѣлицей), при истребленіи тѣхъ бумагъ, яко пасквилей, не возбудить въ народѣ новыхъ толковъ и пустыхъ сужденій, положено: хранить тѣ документы при Дѣлѣ. 4) По признаніи купеческаго сына Верещагина виновнымъ, на основаніи мнѣнія Главнокомандовавшаго въ Москвѣ, Графа Ростопчина, хотя и слѣдовало бы ему, Верещагину, приличное состоянію его наказаніе, но, какъ изъ рапорта Московской Губерніи Прокурора Желябужскаго явствовало, что, какъ онъ узналъ отъ самаго Графа Ростопчина, онъ, Главнокомандовавшій, исполнясь патріотической горести объ участи Москвы, преступникомъ Верещагинымъ предвѣщанной, и отчаясь, чтобъ онъ не избѣгнулъ какъ либо отъ достойнаго наказанія, отдалъ его, въ день оставленія имъ Москвы, для наказанія, народу, который, отъ горести и отчаянія, почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти, то, на основаніи сего документа, удостовѣряющаго о смерти Верещагина, приговоръ, объ немъ учиненный, оставить безъ дѣйствія. А какъ Уголовная Палата оставила Верещагина, какъ сына купца 2-й гильдіи, безъ тѣлеснаго наказанія, Сенатъ же присудилъ его наказать кнутомъ, и какъ изъ сего проистекаетъ вопросъ: дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи подлежатъ ли тѣлесному наказанію, то Государственный Совѣтъ этотъ предметъ предоставилъ на разрѣшеніе Коммиссіи Законовъ. На подлинномъ мнѣніи собственною рукою Государя Императора было написано: «Мѣшкова простить.»

Указъ Сената, съ прописаніемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, подписанъ 31 Мая, 1816 года, въ Уголовной же Палатѣ полученъ 7 Іюля, а 16-го числа Іюля Мѣшкову объявлено Всемилостивѣйше дарованное ему прощеніе, съ возвращеніемъ аттестата и патентовъ на чины. Самое же Дѣло, начинаясь Рапортомъ Магистрата отъ 16 Іюля, 1812 г., оканчивается таковымъ же отъ 25 Ноября, 1818 года, при донесеніи о полученіи имъ обратно представленнаго въ Уголовную Палату Дѣла.

Читатели, вѣроятно, припомнятъ, что Верещагинъ 17 Іюля, 1812 года, послѣ обѣда, сидя одинъ въ своей особой комнатѣ, взявъ четверть листа бумаги, сталъ писать на ней, извѣстныя

уже намъ Рѣчь и Письмо Наполеона, которыя и окончилъ черезъ четверть часа; что отецъ его читалъ ихъ, писанныя на четверткѣ простой сѣрой бумаги съ небольшимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черненьемъ и поправкою словъ, которая, по сознанію сына, имъ, какъ черная, и была представлена Оберъ-Полицеймейстеру, и кромѣ которой онъ ни какой другой не писалъ. А между тѣмъ Мѣшковъ на очной ставкѣ уличалъ Верещагина, что онъ и въ кофейной показывалъ ему, и, въ квартирѣ давалъ списывать Рѣчь и Письмо на полулистѣ синей бумаги, въ которой черненья ни какого не было, и что оказанная ему и находящаяся при дѣлѣ вовсе не та, съ которой онъ списывалъ. И вотъ одно только во всемъ дѣлѣ встрѣчающееся разнорѣчіе. Впрочемъ, такъ какъ та и другая бумага по содержанію оказываются одинакими, то и не измѣнютъ существа самаго дѣла.

Петръ Шереметевскій.

II.

РАЗБОРЪ ИЗВѢСТІЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О КАЗНИ КУПЕЧЕСКАГО СЫНА ВЕРЕЩАГИНА, 2-ГО СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА, ВЪ МОСКВѢ.

Въ №№ Московскихъ Вѣдомостей 234 и 258-мъ 1859, также въ 8 и 13-мъ 1860 года, помѣщены, между прочимъ, сказанія о несчастной смерти или точнѣе и, по изустному выраженію тогдашнихъ современниковъ, остающемуся въ народномъ преданіи, о казни купеческаго сына Верещагина, въ Москвѣ, въ 1812 году, въ день вступленія Французовъ. Такъ какъ подробности и причина этой трагической катастрофы, въ разныхъ источникахъ извѣстій, показаны не совсѣмъ сходно и вѣрно, то, мнѣ кажется, тщательный пересмотръ и сличеніе всѣхъ сказаній, и дополненіе ихъ еще новымъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, не только очевидца, но даже личнаго дѣятеля въ рѣшительный моментъ событія, легко дадутъ возможность возстановить историческую истину подробностей, уразумѣть дѣйствительную причину и смыслъ этого поразительнаго событія.

I.

НАПЕЧАТАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1. Нѣмецкій писатель, Варнгагенъ Фонъ Энзе, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (№ 234 Москов. Вѣдомостей 1859 г.), говоря о встрѣчѣ съ Графомъ Ростопчинымъ, въ 1817 году, и о смерти Верещагина, что «это печальное событіе позднѣе разсказывалъ ему одинъ образованный Русскій путешественникъ», не называетъ его по имени, но просто очевидцемъ. Варнгагенъ ошибается, называя молодаго купеческаго сына Верещагина 24-хлѣтнимъ Капитаномъ въ отставкѣ; ошибается еще болѣе и въ побудительной причинѣ трагической развязки, бездоказательно утверждая, что Графъ Ростопчинъ принесъ эту жертву для усиленія народнаго негодованія. Но въ дальнѣйшемъ разсказѣ самого же Варнгагена о встрѣчѣ Императора Александра I-го со старикомъ-отцомъ несчастнаго Верещагина и о всѣхъ за тѣмъ послѣдствіяхъ, въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ, съ Графомъ Ростопчинымъ, выясняется сама собою главнѣйшая причина кроваваго дѣла, котораго послѣднія подробности также ошибочно переданы Варнгагеномъ.

Упомянувъ, что Графъ Ростопчинъ имѣлъ обыкновеніе «говорить съ балкона своего дома толпѣ, собиравшейся вокругъ него» и проч., Варнгагенъ продолжаетъ: «сюда-то, въ эту толпу, велѣлъ онъ (Графъ Ростопчинъ) привести Верещагина (откуда?), и когда увидѣли его» и проч. «Потомъ онъ (Графъ Ростопчинъ) обратился съ бранью къ арестанту, и наконецъ, отворотясь отъ него, сказалъ полицейскимъ солдатамъ: «Бейте его!» Солдаты и народъ кинулись на него».... По этому описанію Варнгагена, Графъ Ростопчинъ не сходилъ съ балкона 2-го этажа, по тому что балконъ и прежде, до послѣдней перестройки[1], и теперь, такъ же, какъ тогда, находится во 2-мъ этажѣ дома, и, слѣдовательно, распорядился Верещегинымъ, будучи отдѣленъ цѣлымъ этажемъ отъ стоявшей внизу на дворѣ, народной толпы, которой какъ бы невольно, по необходимости, передалъ только Верещагина на убіеніе. На самомъ же дѣлѣ было иначе, какъ далѣе объяснится.

---

[1] Этотъ домъ нынѣ принадлежитъ Г-жѣ Шиповой. Прежній пространный дворъ недавно застроенъ, по обѣ стороны дома, обширными каменными, выходящими на улицу, флигелями.

2. Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (№ 258-й Москов-Вѣдом. 1859 г.), желая указать и исправить невѣрности, вкравшіяся въ разсказъ Варнгагена о смерти Верещагина, приводитъ, въ параллель записаннымъ у Варнгагена, слухамъ, выписку изъ тетради собственныхъ живыхъ и современныхъ событію воспоминаній. Между прочимъ М. А. Дмитріевъ пишетъ: «Извѣстно, что Графъ Ростопчинъ, предъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы, отдалъ его (Верещагина) народу и что народъ разстерзалъ его. Но какъ это было, и Ростопчинъ ли его предалъ, или самъ народъ отбилъ его и замучилъ, это оставалось тайною; мнѣнія и слухи были разные, а теперь и совсѣмъ это забыто; прошло почти уже полвѣка.»

Высказавъ утвердительно, что Графъ Ростопчинъ отдалъ Верещагина народу и, въ слѣдъ за тѣмъ, самъ же называя тайною: «Ростопчинъ ли предалъ Верещагина народу, или народъ отбилъ и замучилъ его», М. А. Дмитріевъ, для разъясненія, приводитъ два разсказа очевидцевъ катастрофы и письменный отзывъ самаго Графа Ростопчина, какъ историческое свидѣтельство: а) Разсказъ извощика, съ которымъ случайно довелось М. А. Дмитріеву проѣзжать, осенью 1813 года, по Лубянкѣ, мимо дома Графа Ростопчина. б) Разсказъ Николая Александровича Обрѣзкова, бывшаго въ 1812 году Адъютантомъ Ростопчина, а въ послѣдствіи Московскимъ Полиціймейстеромъ. Но только Н. А. Обрѣзковъ разсказывалъ не лично М. А. Дмитріеву, а своему родственнику, Д. Н. С—у. в) Отзывъ Графа Ростопчина изъ письменнаго отношенія его, отъ 13-го Окрября, 1812 года, за № 5, изъ Владимира, на запросъ бывшаго тогда Министра Юстиціи, Ивана Ивановича Дмитріева, о Московскихъ Присутственныхъ Мѣстахъ и о судимости Верещагина.

Въ разсказѣ извощика, по извѣстному пріему или способу всякаго Русскаго простолюдина, желающаго придать болѣе убѣдительности собственнымъ словамъ, преобладаетъ преувеличеніе, выставленіе себя и народа на первомъ планѣ. «Вотъ здѣсь убили Верещагина». «При мнѣ и было! Графъ вывелъ его на крыльцо и самъ вышелъ. Народу было на дворѣ видимо-невидимо. Вотъ онъ и сказалъ народу: «Народъ Православный! Вотъ вамъ измѣнникъ: дѣлайте съ нимъ, что хотите!» Сказавши

это, онъ далъ знакъ рукой Казаку; Казакъ ударилъ его саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ, а потомъ его и бросили съ крыльца народу. Графъ ушелъ, и двери за нимъ затворились, а народъ бросился на Верещагина и тутъ же разорвалъ его живаго на части. Я самъ это видѣлъ!» Въ этомъ разсказѣ, повторяю, очевидны крайности и выставленъ главнымъ дѣйствователемъ народъ, а Графъ Ростопчинъ только исполнителемъ, какъ бы покоряющимся опредѣленію высшей власти, или посредникомъ необходимой передачи Верещагина на истязаніе народу. Но слова: «онъ (Графъ Ростопчинъ) далъ знакъ рукою Казаку, Казакъ ударилъ его (Верещагина) саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ, а потомъ его и бросили съ крыльца народу», явно доказываютъ, что извощикъ стоялъ далеко, не могъ ясно видѣть казни, по чему и выражается ошибочно о томъ, кто нанесъ ударъ; неопредѣленно: по головѣ ли, по плечу ли, и невѣрно: бросили съ крыльца народу; но кто же бросилъ? И тогда какъ, еще до казни, Верещагинъ стоялъ уже на дворѣ, восклицаніе: «Народъ Православный! дѣлайте съ нимъ (Верещагинымъ), что хотите!» тоже невѣрно и исключаетъ необходимость приказанія Казаку рубить Верещагина; а увѣреніе, что «народъ тутъ же разорвалъ его живаго на части», и подтвержденіе: «Я самъ это видѣлъ!» окончательно доказываютъ высшую степень преувеличенія разскащика-простолюдина. Мгновенно заживо растерзанный по частямъ на мѣстѣ, Верещагинъ могъ ли быть привязанъ за ноги къ хвосту лошади и биться головою о мостовую, таскаемый по улицамъ? [1]

Въ разсказѣ Н. А. Обрѣзкова, переданномъ М. А. Дмитріеву уже отъ третьяго лица, а потому безцвѣтномъ и краткомъ, поправлена лишь слегка ошибка извощика, что «Графъ Ростопчинъ велѣлъ Полицейскому драгуну, а не Казаку, рубить Верещагина», и введено новое показаніе, что драгунъ не скоро повиновался; но, по второму строгому приказанію, вынулъ саблю и

---

[1] Москов. Вѣдом., № 8, въ описаніи Бестужева-Рюмина разсказъ Сенатскаго чиновника; № 13, въ письмѣ Г. Кононова разсказъ В. П. Плетенева, и въ этой статьѣ разсказъ Г. Гаврилова, отдѣл. Н.

началъ». Это показаніе хотя и сокращено, но довольно вѣрно. [3] «Прочее то же, что мнѣ разсказывалъ извощикъ», присовокупляетъ М. А. Дмитріевъ. То есть, что Верещагина бросили съ крыльца народу, который и разорвалъ его живаго на части, а Графъ Ростопчинъ ушелъ. Слѣдовательно, выводъ остается тотъ же, какъ и Варнгагена, что Графъ Ростопчинъ какъ бы исполнилъ только свою послѣднюю обязанность необходимой передачи Верещагина народу, отъ котораго тотчасъ же и удалился, какъ бы умывъ руки отъ крови юнаго мученика....

На запросъ высшаго блюстителя правосудія о судимости Верещагина, Графъ Ростопчинъ письменно отвѣчаетъ такъ: «Что жъ касается до Верещагина, то, измѣнникъ сей и Государственный преступникъ былъ, предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву, преданъ мною столпившемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости.» Въ этомъ важномъ обличительномъ документѣ, мнѣ кажется, Графъ Ростопчинъ произноситъ себѣ собственноустный приговоръ въ потомствѣ. Полновластный обвинитель легкомысленнаго юноши, переведшаго по Русски изъ иностранной газеты прокламацію Наполеона къ Рейнскому Союзу, съ угрозою быть чрезъ шесть мѣсяцевъ въ обѣихъ столицахъ Сѣверныхъ (нашихъ), обвинитель, печатно объявившій, 3-го Іюля, Верещагина сочинителемъ этой бумаги, и ея переписчикомъ Губернскаго Регистратора Мѣшкова, которые преданы имъ суду и должны получить наказаніе за ихъ преступленіе, Графъ Ростопчинъ письменно этѣмъ самымъ удостовѣряетъ дѣйствительность своего личнаго суда надъ Верещагинымъ: «этотъ измѣнникъ и Государственный преступникъ былъ преданъ мною столпившемуся предъ нимъ (Верещагинымъ) народу, который и сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости!...» Но народъ столпился не предъ Верещагинымъ; едва ли онъ помнилъ о немъ, едва ли зналъ въ тотъ моментъ, гдѣ находился Верещагинъ. Народъ не только не требовалъ головы, но даже не произносилъ и имени Верещагина.

---

[3] Разсказъ того же Сенатскаго чиновника П. Г. Гаврилова.

Онъ былъ занятъ, взволнованъ совсѣмъ другими думами и чувствами, и нахлынулъ 2-го Сентября, на дворъ и на улицу къ своему Главнокомандующему, который, въ афишкѣ 18-го Августа, торжественно увѣрялъ народъ: «Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москву не будетъ»; а потомъ, въ афишкѣ 30-го Августа, уже положительно объявилъ: «Братцы! Мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо: я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки. Французъ не тяжеле снопа оржанаго» и проч. Въ день этого объявленія народъ, безотвѣтственно, какъ говорили очевидцы, разбивъ и ограбивъ кабаки, и упившись, сталъ кричать, что Графъ Ростопчинъ сзываетъ уже въ предмѣстье «на Три Горы», куда и самъ явится предводительствовать народомъ для отраженія врага отъ Москвы. Дѣйствительно, 31-го Августа, съ восхожденіемъ солнца, народъ шелъ и собрался вооруженнымъ, кто чѣмъ могъ, на «Три Горы», въ нѣсколькихъ тысячахъ, и стоялъ до захожденія солнца, въ тщетномъ ожиданіи своего не явившагося предводителя. Этотъ-то народъ, 2-го Сентября, и наводнилъ, такъ сказать, собою все пространство двора и улицы предъ домомъ своего Главнокомандующаго, требуя и повторяя нетерпѣливые крики, чтобы онъ шелъ съ нимъ на «Три Горы» предводительствовать, для отраженія Французовъ, которыхъ хотѣлъ забросать шапками... За чѣмъ же Графъ Ростопчинъ, въ выше приведенномъ объясненіи своемъ Министру Юстиціи, ни слова не сказавъ объ этомъ, рѣшительно умолчалъ и о томъ, что наконецъ, въ самый критическій моментъ неистоваго раздраженія, онъ съ балкона громогласно сказалъ народу: «Подождите, братцы: мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ!» и дѣйствительно сошелъ внизъ на крыльцо, со всею своею свитою; что съ этого же крыльца велѣлъ вывести изъ дома Верещагина на дворъ, и что здѣсь-то, собственно по его, Графа Ростопчина, изустному приговору и по настоятельному строжайшему повелѣнію, сперва офиціяльно нанесены были сабельные удары несчастному юношѣ, который потомъ уже былъ добитъ и поруганъ буйною, имъ же, Графомъ Ростопчинымъ, возбужденною народною толпою, повлекшею по улицамъ изтерзанный и окровавленный трупъ страдальца, привязанный къ хвосту

лошади и бившійся головою о камни?... Вотъ здѣсь-то, мнѣ кажется, и ключъ въ разгадкѣ остающейся, по словамъ М. А. Дмитріева, тайны, къ уразумѣнію смысла кроваваго событія, принесенной, по Варнгагену, Графомъ Ростопчинымъ, жертвы! Она принесена имъ единственно для личнаго спасенія, въ самый рѣшительный моментъ, отъ этой буйной, стоявшей съ нимъ лицомъ къ лицу, черни, которая, въ порывѣ возбужденнаго мщенія, тотчасъ же и схлынула со двора, занявшись этою, отданною ей, кровавою жертвою. Между тѣмъ Графъ Ростопчинъ спѣшитъ къ Яузскому мосту, къ прибывшему туда верхомъ на лошади, дѣйствительному тогда Главнокомандующему, Фельдмаршалу Князю Кутузову, и здѣсь, съ нагайкою въ рукѣ, старается очистить проходъ по мосту для артиллеріи, между столпившимися войсками отступающей Русской арміи и уходящими жителями, получая о томъ повторительныя приказанія Фельдмаршала.....[4]

3. Въ любопытномъ и правдивомъ «Краткомъ описаніи произшествіямъ въ Москвѣ, въ 1812 году, очевидца, бывшаго члена Вотчиннаго Департамента, Алексѣя Дмитріевича Бестужева-Рюмина,» напечатанномъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1850 г. (кн. 2, отд. 5, стр. 65—92 и 163—184) и въ 7 и 8-мъ №№ Москов. Вѣдомостей 1860 года, приведенъ живой, изустный разсказъ Г. Бестужеву-Рюмину его же вѣдомства чиновника, пришедшаго въ Департаментъ, въ 8 часу утра 2-го Сентября, прямо отъ дома Графа Ростопчина съ Лубянки, гдѣ при немъ былъ тогда только что казненъ и замученъ Верещагинъ. Кромѣ многихъ, до очевидности вѣрныхъ, подробностей этого печальнаго событія, тутъ Полицейскій драгунъ Н. А. Обрѣзкова, нанесшій ударъ саблею Верещагину, названъ уже по имени: ординарцемъ Графа Бурдаевымъ. И это совершенно вѣрно, также какъ и поясненіе Г.

---

[4] Москов. Вѣдом. №№ 238-й 1859 г. разсказъ Н. А. Обрѣзкова; 7 и 8 1860 года: описаніе произшествій Бестужева-Рюмина; 13 разсказъ В. П. Плетенева и отдѣл. II этой статьи — разсказъ Г. Гаврилова.

[4] Разсказъ Г. Гаврилова въ этой статьѣ, отдѣл. II, и въ № 58-мъ Московск. Вѣд. 1860 года разборъ Исторіи отечественной войны, соч. Г.-М. Богдановича, статья III.

Бестужева-Рюмина, что этотъ Бурдаевъ служилъ, въ послѣдствіи въ Московской Полиціи чиновниковъ. [6]

4. Г. Кононовъ (въ 13 № Моск. Вѣдом. 1860 года) передаетъ, какъ знаменательную замѣтку, которая можетъ объяснить темныя мѣста происшествія съ Верещагинымъ: слышанный имъ въ 1818 году отъ очевидца событія, Владимира Павловича Плетенева, разговоръ съ отцемъ его, Г. Кононова. Но въ этомъ разсказѣ, независимо отъ весьма важныхъ показаній, относительно взгляда здравомыслящихъ и безпристрастныхъ современниковъ на дѣло Верещагина, замѣтна нѣкоторая неопредѣленность, неточность въ подробностяхъ катастрофы, допущенная или самимъ Г. Плетеневымъ, или, что еще вѣрнѣе, измѣнившею Г. Кононову памятью. На примѣръ: «семейство Г. Плетенева, кажется, уже выѣхало изъ Москвы въ деревню, а онъ оставался въ столицѣ, для нѣкоторыхъ распоряженій.» Разсказъ: «Я шелъ куда-то»; «я увидѣлъ, что кто-то нанесъ ударъ саблею»; «все умолкло на минуту, но былъ гулъ, который мнѣ мѣшалъ разслышать.» Самовидецъ происшествія не могъ бы, кажется, не различить моментовъ событія и смѣшать двѣ мѣстности: балконъ 2 этажа, откуда Графъ Ростопчинъ говорилъ къ народу, и крыльцо внизу, куда онъ вышелъ со свитою, и былъ выведенъ Верещагинъ изъ дома на дворъ, для казни. Иначе, какъ же согласить слова: «Вдругъ явился на балконѣ Ростопчинъ, держа за руки молодаго человѣка» (Верещагина), съ словами: «Я увидѣлъ, что бѣдному юношѣ кто-то нанесъ ударъ саблею?» Вѣрнѣе, кажется, надобно заключить, по словамъ самаго же В. П. Плетенева, что когда онъ «вышелъ изъ своего Варсонофьевскаго переулка на Лубянку, толпа была на дворѣ дома Графа Ростопчина и наполнила улицу», тогда Г. Плетеневъ не могъ уже стоять близко къ мѣсту казни, которая описана у него въ разсказѣ темно и сбивчиво. Но въ оканчательныхъ словахъ разсказа: «потомъ я увидѣлъ уже, какъ его (Верещагина) тащили за ноги по улицѣ, окровавленная голова билась о камни; болѣе я не видалъ ничего!» наглядно, такъ сказать,

[6] Петръ Бурдаевъ служилъ, въ сороковыхъ годахъ, Квартальнымъ Поручикомъ Арбатской части и умеръ въ Іюлѣ 1848 года. Его сынъ, Сергѣй Петровичъ, въ 1860 году служилъ Канцелярскимъ чиновникомъ въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда.

живописуется эта послѣдняя страшная сцена, которая произошла близко отъ стоявшаго очевидца, В. П. Плетенева, и такъ поразила его, что онъ невольно засвидѣтельствовалъ о ней: «болѣе я не видалъ ничего!»

II.

НОВОЕ ИЗВѢСТІЕ ОЧЕВИДЦА И ЛИЧНАГО ДѢЯТЕЛЯ КАТАСТРОФЫ.

Приводя новое показаніе очевидца и личнаго дѣятеля въ послѣдній моментъ печальнаго происшествія съ Верещагинымъ, Капитана Алексѣя Гавриловича Гаврилова, я нахожу необходимымъ предпослать нѣкоторыя пояснительныя подробности.

До Французовъ званіе: «Главнокомандующій въ Москвѣ» соотвѣствовало нынѣшнему: «Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ.» Въ то время были въ Москвѣ, такъ называемые, драгунскіе воинскіе эскадроны, то же, что нынѣ Московскій жандармскій дивизіонъ, и стояли въ Крутицкихъ казармахъ. Офицеры носили однобортный съ краснымъ воротникомъ мундиръ, треугольную съ бѣлымъ перомъ шляпу и саблю. Изъ нихъ, по очереди ежедневно, назначался дежурный къ Главнокомандующему, съ ординарцами: драгунскимъ же Унтеръ-Офицеромъ и Казачьимъ Урядникомъ. Въ непремѣнной обязанности дежурнаго Офицера, между прочимъ, было: съ ординарцами на коняхъ сопровождать каждый выѣздъ Главнокомандующаго, распоряжаться удобнѣйшими проѣздами его по обширной Москвѣ, по соображенію лично полученныхъ приказаній о предстоявшихъ на тотъ разъ визитахъ. Въ числѣ этѣхъ Офицеровъ служилъ мой отецъ, при бывшихъ преемственно Главнокомандующихъ: Александрѣ Андреевичѣ Беклешовѣ, Тимоѳеѣ Ивановичѣ Тутолминѣ и наконецъ, при предшественникѣ Графа Ростопчина, Графѣ Иванѣ Васильевичѣ Гудовичѣ, при которомъ и вышелъ, по болѣзни, въ отставку, въ 1810 году. Изъ сослуживцевъ моего отца я помню, по его разсказамъ, фамиліи Офицеровъ: Ѳедотова, Ивашкина,[7] Бланше, Нестерова и Гаврилова. Лично же я зналъ только А. И. Нестерова и Алексѣя Гаврило-

[7] Роднаго брата тогдашняго Оберъ-Полицеймейстера Петра Алексѣевича Ивашкина.

вича Гаврилова. Этотъ послѣдній былъ пріятелемъ моего отца, любимый всѣмъ нашимъ семействомъ. Въ двадцатыхъ годахъ, когда я былъ студентомъ въ Московскомъ Университетѣ, Г. Гавриловъ служилъ Квартальнымъ Надзирателемъ въ Пятницкой Части. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже въ отставкѣ, старъ, въ бѣдномъ положеніи, съ женою и дочерью. Отъ Харитонія въ Огородникахъ онъ часто хаживалъ ко мнѣ на Тверской бульваръ и жилъ по нѣскольку дней. Помня въ немъ современника моего отца, я уважалъ въ немъ честнаго, простаго и прямодушнаго человѣка. Онъ скончался въ 1847 году. Отъ него-то и довелось мнѣ услышать однажды разсказъ, какъ отъ очевидца и личнаго дѣятеля въ несчастной исторіи Верещагина. Постараюсь передать этотъ разсказъ, сохраняя подлинныя слова Г. Гаврилова, на сколько уцѣлѣли онѣ въ моей памяти, не пропуская и не прибавляя никакихъ подробностей. Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 1843 года, когда я жилъ въ мезонинѣ дома Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, по должности Правителя Канцеляріи при бывшемъ Оберъ-Полиціймейстерѣ, Львѣ Михайловичѣ Цынскомъ, посѣтилъ меня Г. Гавриловъ, пройдя съ Тверскаго бульвара прямо чрезъ пріемную и Канцелярію, помѣщавшіяся, при Цынскомъ, въ бель-этажѣ дома. Я писалъ вверху, въ своей рабочей комнатѣ, когда вошелъ ко мнѣ Г. Гавриловъ и, поздоровавшись, сказалъ: «Знаете ли, И. Ф., кого я сейчасъ встрѣтилъ тамъ внизу дежурнымъ у Оберъ-Полиціймейстера?—Квартальнаго Поручика Бурдаева! Это мой бывшій Вахмистръ въ эскадронѣ. Вѣдь онъ, да и я, пожалуй, историческія лица, но въ самомъ несчастномъ и грустномъ случаѣ.» Я просилъ его разсказать мнѣ объ этомъ. Онъ сѣлъ и, помолчавъ немного, продолжалъ: «2-го Сентября, 1812 года, въ послѣдній день тогдашней Москвы, мы съ Бурдаевымъ дежурили при Главнокомандующемъ, Графѣ Ростопчинѣ, въ его Лубянскомъ домѣ. Съ утра густая толпа народа стеклась на дворѣ и запрудила улицу: шумѣла, гамила и волновалась. Вдругъ Ростопчинъ съ балкона вышелъ къ намъ въ залу и, скоро идя внизъ на крыльцо, со всѣми нами окружающими, велѣлъ вести туда же, на дворъ, молодаго купеческаго сына, Верещагина, вытребованнаго, съ ранняго утра, въ домъ изъ ямы, гдѣ онъ содержался. Прокричавъ на крыльцѣ народу, что Верещагинъ измѣнникъ, злодѣй, губитель Москвы, что его надобно казнить, Ростопчинъ закричалъ Бурдаеву, стоявшему

подлѣ Верещагина: «Руби!» Не ждавши такой изустной сентенціи, Бурдаевъ оторопѣлъ, замялся и не подымалъ рукъ. Ростопчинъ гнѣвно закричалъ на меня: «Вы мнѣ отвѣчаете своею собственною головою!» «Рубить!» Что тутъ было дѣлать? Не до разсужденій! По моей командѣ: «Сабли вонъ!» мы съ Бурдаевымъ выхватили сабли и занесли вверхъ. Я машинально нанесъ первый ударъ, а за мной Бурдаевъ. Несчастный Верещагинъ упалъ: Ростопчинъ и мы всѣ тутъ же ушли, а чернь мгновенно кинулась добивать страдальца и, привязавъ его за ноги къ хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу. Ростотчинъ въ заднія ворота ускакалъ на дрожкахъ. Скоро и я, по данному приказанію, очутился тоже у Яузскаго моста, предъ Фельдмаршаломъ Кутузовымъ, для указанія по Москвѣ дороги войскамъ. Старецъ (тутъ Г. Гавриловъ указалъ на висѣвшій на стѣнѣ раскрашенный эстампъ, изображавшій Князя Кутузова на конѣ) одѣтъ было точно такъ: въ сюртукѣ, въ суконной бѣлой безъ козырька фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ плечо, и стоялъ у Яузскаго моста, верхомъ именно на этой же бѣлой лошадкѣ. Онъ наблюдалъ тутъ этотъ важный пунктъ сообщенія, гдѣ столпились разнаго рода войска нашей арміи, отступавшей на Рязанскую дорогу. Я конвоировалъ Кутузова до Тарутина. Тамъ, въ одной изъ конныхъ стычекъ, я получилъ вотъ этотъ гостинецъ!» Тутъ Алексѣй Гавриловичъ распахнулъ грудь и показалъ мнѣ на лѣвой сторонѣ большую затвердѣлую мѣшетчатую опухоль, отъ контузіи картечью.... Онъ замолчалъ, и мы оба задумались. Не знаю, какія мысли пробѣгали въ головѣ его, но, по его спокойствію, я былъ убѣжденъ, что честный и добродушный Гавриловъ не считалъ на своей совѣсти офиціяльно-невольный ударъ Верещагину, точно такъ же, какъ онъ не отворачивался и отъ личной опасности, встрѣчая грудью ея удары.

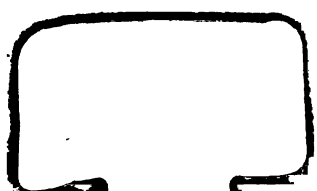
Я полагаю, что за разборомъ всѣхъ выше приведенныхъ сказаній и за послѣднимъ словомъ правдиваго участника, всѣ неточности относительно казни Верещагина уничтожаются сами собою, какъ не останется болѣе тайною несомнѣнная причина и смыслъ кроваваго событія. И если въ громадности тогда же разразившагося оглушительнаго событія, отдачи Москвы Наполеону, и въ жертвенномъ пламени ея всесожженія, затерялся и прахъ юнаго мученика, и самая необычайность такого случая, то утѣ-

шительно быть увѣреннымъ, что настаетъ пора, когда безпристрастный судъ исторіи, произнося свой приговоръ о личности и бывшихъ сильныхъ міра и братіи малыхъ, воздаетъ к о м у ж д о н о дѣломъ его!

Иванъ Жуковъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Во 2-мъ томѣ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» соч. Г.-М. Богдановичемъ (Спб. 1859), сказано (стр. 271—272): «Оставались подъ стражею въ Москвѣ только двое: какой-то Французъ, позволившій себѣ осуждать дѣйствія Русскихъ, и купеческій сынъ Верещагинъ, который перевелъ изъ Гамбургской газеты на Русскій языкъ воззваніе Наполеона, враждебное Россіи, и давалъ его читать своимъ знакомымъ». За тѣмъ разсказывается казнь его и въ заключеніи прибавлено о другомъ арестантѣ-Французѣ: «Что касается до тебя (сказалъ ему Графъ Ростопчинъ), Французскаго уроженца, прошу впередъ говорить осторожнѣе на счетъ націи, благосклонно принявшей тебя». Французъ сталъ оправдываться, но Главнокомандующій, приказавъ ему замолчать, продолжалъ: «Ступай, я прощаю тебя; но прошу, когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разсказать имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ!» Въ слѣдъ за тѣмъ Графъ Ростопчинъ уѣхалъ изъ столицы.» Въ примѣчаніи 22-мъ къ главѣ XXV сдѣлана ссылка на Записки Бестужева-Рюмина, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ», и на «Histoire de l'incendie de Moscou en 1812, par M. l'Abbé S u r r u g u e etc.» А какъ въ Запискахъ Бестужева-Рюмина этого не находится, сколько онѣ намъ извѣстны, то, конечно, ссылка относится къ сочиненію Аббата. По этому случаю П. В. Шереметевскій дѣлаетъ, съ своей стороны, слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Этотъ Французъ не былъ ли, извѣстный намъ по уголовному дѣлопроизводству въ 1812 году, П е т р ъ М у т о н ъ, суждennый тогда, при разглагольствованіи съ дворовымъ человѣкомъ Доктора Шлегеля, въ произношеніи непріятныхъ для Россіи словъ? Но этотъ Французъ, за дерзость свою, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на поселеніе.» А по тому, не выдумка ли это Француза о Французѣ, для приданія большаго эффекта дикому (какъ называютъ его Французы) патріотизму Графа Ростопчина? По крайней мѣрѣ Русскіе писатели событій того времени объ этомъ прощенномъ Французѣ рѣшительно не упоминаютъ. О. Б.


[a] Этотъ «Разборъ Извѣстій и дополнительное свѣдѣніе о казни Верещагина» перепечатаны, съ согласія сочинителя, изъ 76-го № Московскихъ Вѣдомостей 1860 г., стр. 594—595.